

«И неподкупный голос мой...»

Леонид Бородин — слово и судьба

то заметки о писателе, слово которого воистину не расходится с его жизнью, поступками — судьбой... Они — о человеке, ценящем верность собственным идеям и принципам столь высоко и свято, что за них можно пойти за колючую проволоку ГУЛАГа, в тюремные камеры. Леониду Бородину дважды пришлось побывать там — в шестидесятых и восьмидесятых годах, и общий срок предназначенной ему неволи переваливал за два десятка лет. Он и писать начал там же, в камерах и зонах, и все вещи его были вначале известны лишь зарубежному читателю, печатаясь в далеких от нас «Посеве» и «Гранях»... Его проза (впрочем, стихи — тоже) часто горька, но горечь эта выстрадана и не служит никаким конъюнктурным целям. Она рождена авторской болью за свою страну и народ.

Леонид Бородин внутренне всегда и неразрывно был с ними, хоть судьба к тому и не благоволила, и сама биография его, тюрьмы и лагеря, сформировала мир этого писателя, который ярко и недвусмысленно раскрылся уже в первой книге «Повесть странного времени» («Посев», 1978).

Драматизм этой прозы в соединенности и разломе несоместимого. В абсолютной, безусловной и для героев и для автора незыблемости, святости личной совести, чести и в отнесенности этих категорий к конкретным социальным-историческим обстоятельствам... Дерзость, воспарение стремлений, помыслов и неутомимое притяжение «земли»: времени, в котором живут герои, его социальных, политических рамок и правил.

Здесь главная мука, главная боль лучших бородинских героев, их броски, их метания и — поражения, которые можно и нужно считать победами. Над самими собой, над собственным страхом, инстинктом самосохранения, соблазном не видеть, не слышать и не думать и жить, «как все».

Лучшие, излюбленные герои Бородина строят свои поступки, биографии по определенным и жестким правилам... «Правила» — вообще одно из ключевых слов и понятий этого писателя. Они синонимичны для него норме и то и дело самоустанавливаются...

«Повесть странного времени» — книга горькая, мужественная и подчеркнута независимая. В ней как бы контур будущих произведений писателя, и она, первая, — словно их фундамент и «замковый камень» разлом. Последующее стоит на ней и ею же крепится...

Не случайно английская газета «Independent» («Независимый», — И.Ш.) назвала «Повесть странного времени» лучшей книгой октября 1990 года. Сборник, написанный в конце шестидесятых — начале семидесятых и вышедший в свет в 1978 году...

Если сборник «Повесть странного времени» был весь пронизан настоящим стремлением познать человека в мире социальных связей, государственного института, то две последующие повести — «Гологор» (1974) и «Год чуда и печали»

(1974) — словно резкое смещение «в сторону»... Они рассказывали о попытке соединенности мечты и реальности и о том, что из этого может получиться. В «Гологоре» подобная попытка терпела жестокий крах, в «Год чуда и печали» — удавалась. И это при том, что персонажи «Гологора» зрелые люди, а главный герой «Года чуда и печали» — мальчишка двенадцати лет. Отчего же так случилось?

Тут все дело — в ответственности, решимости и способности взять на свои плечи то, чего никто за тебя не в силах сделать. Лишь тогда человек по-настоящему соответствует самому себе и способен пройти через испытания, выпавшие ему на долю... О том же, в сущности, поведано и в повести «Правила игры» (1977), единственной из всех ныне вышедших произведений Бородина, рассказывающей о жизни «там», в лагере.

В повести этой описан всего лишь один день заключенного Юрия Плотникова, отбывающего семилетний срок в некоем «Кедрологе», причем до освобождения остался лишь месяц. Речь — об испытании соблазном близкой свободы, когда очень трудно сохранить верность себе, кодексу личных «правил», неукомительно и твердо соблюдаемых до этих пор. Герой остается верен им, хотя это и тяжело и трудно...

Главная особенность всех бородинских вещей — внутренний мир и жизнь текста. Они не откроются беглому и невнимательному глазу. Такого читателя произведения Леонид Бородин могут, думаю, даже разочаровать, поскольку внешне очень скромны, почти аскетичны и лишены беллетристической броскости, игры стиля, самоценного и самодемонстрирующегося... Этого абсолютно нет в бородинских вещах. Сила их в другом — в напряженном, тугом потоке внутренней мысли-идеи, непрерывающейся и неослабевающей... Так гонят весенний сок в сердцевине ствола глубокие корни, чтобы дошел он до каждого отростка, каждой малой веточки, дал силу будущей жизни листьям и цветению. Эта работа не видна извне, проис-

ходит подспудно, но она столь жизненно важна и необходима!

Истинный и несомненный патриотизм Леонида Бородина не мог не привести его к созданию такой повести, как «Третья правда» (1979)... В ней встает перед нами в процессе, в динамике трагедия русского человека, чей корень, что дворянский, что мужицкий, был беспощадно выкорчеван, истреблен в сече классовых битв, когда безраздельно царил закон насилия, «закон револьвера».

Удивительна глубина зрения этого повествования... На малом пространстве

жизнь и судьба двух сибирских мужиков, Андриана Селиванова и Ивана Рябинина, ширясь, разрастаясь, пробрасывая мост от дней минувших в сегодняшнее, повесть эта сопрягает индивидуальное с поистине всенародным. Сопражение стоит дорогого...

Никаких посредников меж судьбами Ивана Рябинина, Андриана Селиванова и колесом истории, тяжко, с хрустом проехавшим по ним, не было, да и быть не могло... Бородин пишет в «Третьей правде» о реализации революционных теорий, о том, как мерил русский человек кафтан, придуманный и сшитый для него «кремлевским мечтателем», и насколько же в том кафтане оказалось удобно, свободно да ловко!

В упрямом и непреклонном, простом и здоровом селивановском мировоззрении много от русской и древней, как сама Русь (увы — несветская!), тяги к воле и правде-справедливости. От пугачевщины, разинщины, мужицких бунтов, теряющих постепенно, с ходом отечественной истории, свой размах и силу, вспыхнувших грозно — не в последний ли раз? — в пору коллективизации, когда новая, «народная» власть подавила их страшно, кроваво... Способности возразить, не согласиться, взбунтоваться все менее в русском человеке, поскольку все менее... самого русского человека — истреблен, насильственно изведен он за годы советской власти. Распад и гибель самого главного в любом государстве — его национального духа, его генотипа как раз и запечатлены в «Третьей правде». Уверен, что ради того она и писана...

В повести этой очень отчетливо, очень явственно видно «русское ядро» прозы Леонида Бородина, истинный и глубокий патриотизм авторских чувств и идей. В этой трагической истории о крахе, сломе некогда подлинно великой России, когда стал в ней устанавливаться закон, которому «соблюдаться нету мочи без револьвера», нельзя не заметить авторскую и отнюдь не благостную, но требовательную любовь к русским людям. «Третья правда» — это кровь сквозь бинты. Кровь народа, который давно уже существует не «бла-

годаря», а «вопреки». Кровь все сочится, тяжело, мстительно сказываясь в судьбах новых, последующих российских поколений...

Сугубо городская, а не сельская, не сибирская, как в «Третьей правде», жизнь существует и царит в романе «Расставание» (1982)... В нем — двойное течение. Будто мчит мощный, сильный поток времени, жизни страны над хилой, вяло пульсирующей струйкой придонного течения, в котором как раз и существует московское бытование главного героя, всего его окружения. Изредка верхний мощный поток вторгается в это шевеление-мельтешение, и тогда — разрушение уютной комфортности, ахи, охи, запоздалые размышления, рефлексия и ощущение страшного неуюта — будто голые на сквозняке... Отчего, почему это с нами случилось — ведь мы же ничего не хотели, ничего себе не позволяли, ничего и никого по-настоящему не трогали!

Отторгаясь от тотальной, как всеобщая воинская повинность, идеологической завербованности, от всепроникающей, как чума, заполитизированности, люди строили в душах своих башни, баррикады, сквозь которые с годами все труднее и труднее было пробиться живому человеческому чувству, подлинному и искреннему... Может, это и было самой страшной метой того времени, самым страшным его проклятием — человеческие души выжигались, опустошались...

И что может такой человек, что способен породить в окружающих, подле себя? Только пустыню, только себе подобное... Как и почти во всех остальных своих произведениях, Бородин пишет в «Расставании» не «частный случай», а время, его сцепление с человеческой душой, судьбой. Для него всегда очень важен голос и роль времени в формировании, росте или крахе индивидуума.

Этой же теме посвящены две последние по времени выхода повести Леонида Бородина — «Божеполье» (1994) и «Царица Смуты» (1996)...

Несмотря на разность времени и событий, описанных в них (первая — о «перестройке», о бывшем государственным и партийном функционере; вторая — о Марине Мнишек) они, на мой взгляд, сходятся внутренне... Обе — об ответственности за прожитую жизнь, за содеянное, когда подлинность и ценность человеческого «я» проверяется Историей.

Как-то я спросил Бородина, какими качествами, по его мнению, должен обладать современный русский писатель... «Многими», — ответил он. — И в первую очередь — строгой и, может быть, даже сердитой любовью к своему народу».

Это отнюдь не было эффектной фразой... Бородину вообще органически чужды любые «эффекты». Просто в его произведениях живет и упрямо вызывает к нам именно это чувство, эта авторская боль и спрос... Гордая пушкинская формула: «И неподкупный голос мой был эхо русского народа» здесь, право, вполне уместна и весьма точна.

Игорь ШТОКМАН.